

ВЛАСТЬ ЦВЕТА

РАССКАЗ

САДЖАД ЗАХИР

МАТЬ уговаривала его, отец бранил, друзья пытались отвлечь, но до него не доходило, а когда дошло, было слишком поздно.

Прошло 20 лет. Его нежных любящих родителей уже не было в живых, друзья разбрелись кто куда, и сегодня, когда он получил по контракту сто рупий за афиши для выставки, то примирился с мыслью, что надо бросить рисование. Он заплатил за обучение сына, купил ему несколько поддержанных учебников, запаса продуктов на две недели, и у него осталось несколько рупий. Сегодня впервые в жизни он раскаялся, что стал художником. Кой черт дернул его заняться живописью? Стоило ли отнимать краски у собственной жизни ради этих пестрых пятен на холсте? и тени?

Он припомнил тот день, когда его впервые выпороли за рисование. Это случилось накануне Девали — праздника света и огня. Дом, в котором они жили, был побелен и, казалось, сверкал на солнце. Сидя на полу, мать делала украшения к празднику. Навину было лет семь, и он не отходил от матери ни на шаг, любясь прелестными линиями и цветом. Днем, когда мать прилегла отдохнуть, Навин взял уголь и на белом фасаде дома нарисовал картину «Мама готовится к празднику». Он был необыкновенно доволен собой, но произошло что-то непонятное. Мать вышла из себя, увидя произведение сына. Ткнув пальцем в свою собственную щеку, нарисованную на стене, она закричала: «Что ты натворил?».

Саджад Захир (1905—1973) — известный индийский поэт, прозаик, литературовед и общественный деятель.

Рассказ «Власть цвета» опубликован в журнале «Лотос» в 1972 году.

Мать поймала его за ухо: «Погоди, я тебе вправлю мозги!» И отшлепала его. «Посмотри на ведьму, которую ты нарисовал на виду у людей. Испортил всю стену, идиот».

Потом ему вспомнился юноша: он сидел на задней парте в правом углу класса и рисовал водопад, низвергающийся со скалы в бездонную пропасть. Правда, водопад был чем-то похож на грустную нимфу, на ее плечи спускались не волосы, а зеленая сосновая хвоя...

— Почему ты не слушаешь? Что ты вообще собираешься делать? Шанкер, чем он там занимается? — спросил учитель.

Его приятель Шанкер робко взглянул на лист, который лежал перед Навином.

— Сэр, он нарисовал водопад... Нет... женщину... Нет, водопад... и несколько стихов. Сэр, потом он зачеркнул картину и...

Затем в его жизни навсегда переплелись линии, цвет и чувство голода. Навин оставил родительский дом, снял дешевую комнату в районе грязных трущоб и устроил свою выставку. Непризнанные художники, писатели, чьи произведения нигде не печатались, жаждущие сенсаций журналисты пришли на нее. Было и несколько богатых меценатов. Они купили кое-что, но лишь одна работа принесла ему ощутимый доход.

...Нищая женщина, промокая под дождем, одной рукой укрывает своего младенца лохмотьями шали. Под мокрыми прядями волос ее глаза похожи на две звезды, и свет их льется на младенца. Другая рука женщины протянута механически, по привычке, прося подаяния...

Он купил на деньги, полученные за эту картину, какую-то одежду для себя, мало-мальски обставил комнату. Она же принесла ему самую большую радость в жизни — молоденькая учительница Индира, которую потрясла картина Навина, написала ему письмо. Письмо преобразило всю жизнь Навина.

Навин зажег сигарету и пристально посмотрел на календарь, висевший на стене. Было время, когда они с женой считали дни, пытаясь спасти каждый пенни для Сохана, который вот-вот должен был родиться.

Однажды ночью, накануне этого события, он написал картину «Снова жизнь». Целый день он корпел над афишами и потом всю ночь вдохновенно

сражался с цветом, отделяя свет от тени, чтобы жизнь проявилась сильнее, чем в его прежних работах. Эта картина дышала надеждой и страстью.

Воспоминания об этом полотне переплелись с муками Индиры: в тот самый день она была на грани жизни и смерти. Навин продал свою картину за жалкие гроши, чтобы купить лекарства для жены.

Сегодня Сохану семь лет, Навин отвел его в школу. Вернувшись, он подмел в комнате, чего раньше никогда не делал. Все картины свалил в угол, лицом к стене, а краски, кисти, мольберт сложил в старый сундук. Наброски, случайные рисунки он вытащил во двор — и как ярко пылал костер!

Когда Индира вернулась с работы, Навин сидел в единственном кресле и что-то писал. Индира удивленно огляделась.

— Привет! Что-то в комнате слишком чисто... и так просторно. Что ты сделал со своими работами?

— С ними покончено. Я решил, что и тень этих гнусных вещей не должна пасть на ребенка. Не хочу, чтобы он голодал всю жизнь.

Индира поставила на пол сумку с продуктами, налила стакан чая из чайника, который Навин всегда держал горячим к ее приходу. Она молча прихлебывала чай.

— Послушай, Индира, я всегда мечтал, что помогу Сохану стать настоящим художником. Но сегодня, когда я купил ему потрепанные учебники, то понял, что только в мечтах жизнь художника может представляться яркой. Моя собственная жизнь была бесцветной, и я не я. Нет, ни за что!

— Я пойду на почту, — сказал Навин.

Он медленно брел к перекрестку. Завернув за угол, он остановился как вкопанный. Непостижимо! Стоя на коленях возле стены, Сохан рисовал куском угля. Над рисунком большими печатными буквами было написано: «Мама пьет чай».

Навин стоял ошеломленный. Тридцати лет как не бывало, он снова увидел себя с куском угля. Он разрисовывал свежесбеленную стену линиями и кругами, которые должны были означать: «Мама готовится к празднику».

Перевела
В. Копейко